

Кристиан Вельцель

Рождение свободы

Cross#Roads

УДК 316.42:316.752
ББК 60.524
В28

Редакционный совет серии

В. И. Ильин, В. П. Коломиец, В. А. Куренной,
Д. Г. Подвойский, Э. Д. Понарин, С. Р. Хайкин, В. В. Федоров

Вельцель К.

Рождение свободы / К. Вельцель ; под ред. Э. Д. Понарина, О. А. Оберемко ; пер. с англ. А. В. Лисовского. — М. : АО «ВЦИОМ», 2018. (Серия «CrossRoads»).

В этой книге представлена масштабная теория, объясняющая, почему с изобретением государства свобода уступила место угнетению, почему в новейшее время эта тенденция стала преодолеваться, и что привело к быстрому распространению всеобщих свобод и демократии. Опираясь на обширные эмпирические данные, автор анализирует различные объяснения произошедшего роста свобод и приводит убедительные доказательства в пользу теории эмансипации. Исследование демонстрирует многочисленные тренды человеческой эмансипации, в совокупности позволяющие людям управлять своей жизнью. Наиболее важный из этих трендов — распространение «эмансипативных ценностей», имеющих приоритетом свободу выбора и равенство возможностей. Истоки процесса человеческой эмансипации автор видит в желании свободы и показывает, когда и почему это желание усиливается, почему оно является источником демократии, как оно оживляет гражданское общество, восстанавливает социальный капитал, поддерживает гуманистические нормы, усиливает ощущение счастья и помогает переориентировать современную цивилизацию в направлении устойчивого развития.

- © Christian Welzel, 2013
- © Cambridge University Press, 2013
- © Лисовский А. В., перевод на русский язык, 2017
- © Издание на русском языке, оформление, ВЦИОМ, 2018

Содержание

В. М. Полтерович

На пути к общей теории социально-экономического развития	6
Предисловие	16
Благодарности.....	20
Сокращения.....	23
Список таблиц	24
Список рисунков	26
Список вставок	30
Введение.....	31
Часть А. Как понимать эмансипативные ценности	
Глава 1. Теория эмансипации	63
Глава 2. Картирование различий	84
Глава 3. Многоуровневые факторы	129
Глава 4. Отслеживание изменений	163
Часть В. Эмансипативные ценности как гражданская сила	
Глава 5. Внутренние качества.....	190
Глава 6. Позитивный индивидуализм	207
Глава 7. Солидарное действие.....	230
Часть С. Демократизирующее воздействие эмансипативных ценностей	
Глава 8. Пожалование прав народу	261
Глава 9. Революция прав	290
Глава 10. Парадокс демократии.....	315
Часть D. Эмансипативные ценности в цивилизационной перспективе	
Глава 11. Смена курса цивилизации	337
Глава 12. Проблема устойчивого развития.....	373
Заключение.....	388

Сокращения

Активность общественных движений (Social Movement Activity) — АОД

Валовый внутренний продукт (Gross Domestic Product) — ВВП

Водная автономность в прохладном климате (Water Autonomy in a Cool Climate) — ВАПК

Дезоксирибонуклеиновая кислота (Deoxyribonucleic Acid) — ДНК

Европейское исследование ценностей (European Values Study) — ЕИЦ

Индекс гражданских прав (Citizen Rights Index) — ИГП

Индекс светских ценностей (Secular Values Index) — ИСЦ

Индекс эмансипативных ценностей (Emancipative Values Index) — ИЭЦ

Лесбиянки, геи, бисексуалы и трансгендеры (Lesbian, Gay, Bisexual and Transgender) — ЛГБТ

Мировое исследование ценностей (World Values Surveys) — МИЦ

Прохладная вода (Cool Water) — ПВ

Светские ценности (Secular Values) — СЦ

Эмансипативные ценности (Emancipative Values) — ЭЦ

Введение

[Стала больше] зависимость правительств от управляемых, которых необходимо хорошо мотивировать, чтобы сложное государство-общество могло нормально функционировать... Но даже в тех случаях, когда это давление [правительств] диффузное, настроения масс населения... являются в наше время гораздо более мощным фактором в балансирующих противовесах власти в государстве-обществе, чем когда-либо раньше. Элиас, 2010, 138¹ (Elias, 1984: 229)

1. Тема — Свобода на подъеме

С самого появления на планете нашего вида и до последнего времени большинство людей жили в бедности и опасности, их жизнь была коротка. Хуже того, с появлением цивилизации люди попали под власть правителей. С тех пор организация государства была подчинена цели совершенствования эксплуатации, и тысячелетиями растущие возможности государства означали усиливающееся подавление свобод (Diamond, 1997; Nolan & Lenksi, 1999). Только совсем недавно эта тенденция начала меняться на противоположную. Первыми сигналами были революции в Англии, Нидерландах, Америке и Франции в XVII и XVIII столетиях (Grayling, 2007). Эти либеральные революции изменили ход истории: тирании, хотя и продолжали существовать, уже не пребывали в безопасности; они начали все быстрее и быстрее сдавать позиции (Modelski & Gardner, 1992, 2003).

Протест обычных людей против угнетения и борьба за свободы были первоначально исключительным атрибутом Запада. Однако многочисленные поражения авторитаризма в разных регионах мира породили несколько волн демократизации, подтолкнули к распаду коммунизма, «цветным революциям» и Арабской весне (Huntington, 1991; Markoff, 1996; McFaul, 2002; Weijnert, 2005; Kalandadze & Orenstein, 2009; Gause, 2011). Мирное давление людских масс, требовавших свобод, было движущей силой всех этих революций (Ackerman & Karatnycki, 2005; Schock, 2005). Конечно, как нам напоминают некоторые поразительные случаи

¹ Элиас Н. Знание и власть // Знание: собственность и власть: Хрестоматия / отв. ред. В. А. Садовничий. М.: ИСПИ РАН, 2010.— Прим. ред.

устойчивости и возрождения авторитарных режимов, свободы людей не всегда побеждают (Bunce & Wolchik, 2010; Levitsky & Way, 2010). Тем не менее желание обрести свободу еще никогда не высказывалось так мощно, так часто и в столь многочисленных местах, как сегодня, причем как в демократических странах, так и за их пределами (Clark, 2009; Tilly & Wood, 2009; Carter, 2012).

Эта книга о человеческом стремлении к свободам и об источнике его вдохновения: о желании эмансипации — жизни, свободной от внешнего доминирования. Где бы и когда бы ни возникало это желание, оно проявляется в том, что я называю *эмансипативными ценностями*. Эти ценности представляют собой психологическое ядро широкого процесса *человеческой эмансипации*. Этот процесс повсеместен. Он трансформирует современный мир разнообразными, но согласованными друг с другом способами, некоторые из которых будут представлены ниже. Поскольку эмансипативные ценности воплощают «дух» процесса обретения людьми власти, книга фокусирует внимание на зарождении и росте этих ценностей, анализируя их содержание, движущие силы и следствия.

Эмансипация как идея жить свободно от подчинения господству — это всеобщее желание (Sen, 1999). Как сознательные существа с даром воображения люди обладают неотъемлемым стремлением к жизни, свободной от внешних ограничений (Deci & Ryan, 2000; Haller & Hadler, 2004; Fischer & Boer, 2011). Даже если никакой «свободы воли» в абсолютном смысле этого понятия нет, как полагают некоторые авторы (Harris, 2012), вера в свободу воли — важная часть психологии людей, и, если эта вера подорвана, возникает ряд негативных последствий: люди чувствуют себя менее счастливыми и хуже контролируют свои эгоистические побуждения (Ryan & Deci, 2000; Baumeister, Masicampo & DeWall, 2009).

Желание свобод настолько фундаментально, что ему уделяют внимание все основные религии, выдвигающие идею спасения. Спасение, по своей сути, — эмансипативная идея, потому что оно обещает свободу от подчинения внешнему господству после [земной] жизни (Dumont, 1986; Lal, 1998). Эмансипативные ценности отличаются от идеи спасения тем, что они нацелены на освобождение в этой жизни, и представляют собой светскую версию стремления к свободам.

Эмансипативные ценности адаптируются к экзистенциальным ограничениям, которые люди не могут контролировать. Предпочтения эмансипативных ценностей усиливаются, когда ослабевает внешнее давление на человеческую жизнь. Напротив, когда принудительность условий существования сильна, эмансипативные ценности остаются пассивными. Следовательно, они развиваются в ответ на изменения полезности свобод. Где ослабление притеснений увеличивает полезность свобод, там люди сразу начинают их ценить. Эта связь между полезностью и ценностью имеет практическое значение для жизни людей: она не позволяет нашим ценностям оторваться от реальности и помогает поддерживать благополучие в изменяющихся условиях.

Большую часть истории условия жизни обычных людей были тяжелыми и бедственными (Maddison, 2007; Morris, 2010; Galor, 2011). Пока это было так, не было массовой поддержки эмансипативных ценностей. Однако с прорывом в индустриальную эру постоянно росла доля людей с относительно высоким уровнем жизни, увеличивалась продолжительность жизни, улучшались другие её условия.

Благодаря этим улучшениям, жизнь трансформируется и превращается из источника угроз в источник возможностей, из борьбы за выживание — в стимул для процветания. Когда жизнь становится привлекательной и перспективной, действия людей начинают определяться не давлением внешних обстоятельств, а их внутренними мотивами и желаниями. Таким образом, целые популяции людей поднимаются по *лестнице полезности свобод*. Когда это происходит, реализация свобод и толерантность к ним становятся все более полезными при тех новых возможностях, которые теперь предлагает более привлекательная жизнь. Это глобальное изменение жизни людей происходит не только в западных обществах. Миллионы людей в Китае, Индии и других быстро развивающихся обществах расстаются с бедностью, угнетением и другими тяжелыми условиями жизни (Simon, 1996, 1998; Goklany, 2007). В результате у людей пробуждается стремление к эмансипации, свободам, и усиливаются эмансипативные ценности.

Это не означает, что бедность и угнетение повсеместно уходят в прошлое, однако доля людей, живущих в бедственных условиях, снижается (World Bank, 2002; Sachs, 2005). Еще никогда в истории человечества уровни дохода, грамотности и продолжительности жизни не были такими высокими у большой доли населения планеты (Maddison, 2007; Ridley, 2010; Morris, 2010). Действительно, во многих регионах условия жизни улучшались, начиная с 1970-х гг. (Estes, 1998, 2000a, 2000b, 2010; Moore & Simon, 2000; Heylighen & Bernheim, 2000; Lomborg, 2001). Исключением был ряд стран в Африке южнее Сахары, хотя недавно и там появились позитивные изменения (Africa Progress Panel, 2012). То же верно и для постсоветского мира: постсоветские общества пережили период ухудшения жизненных условий после краха коммунизма, но сейчас ситуация в них исправляется. Три диаграммы на рисунке I.1 подтверждают вышесказанное, показывая данные о продолжительности жизни, образовании и доходах в разных регионах мира.

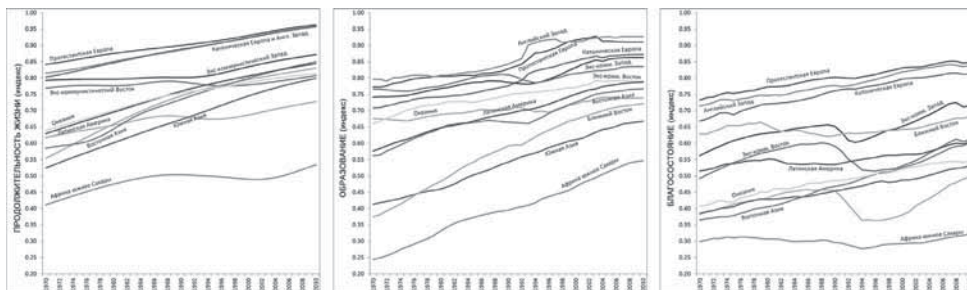

Рисунок I.1. Тенденция изменения качества жизни в регионах мира (1970—2010 гг.)

Примечание: Тренды основаны на моих собственных расчетах по данным для 136 стран, опубликованным в Программе развития Организации Объединенных Наций (2011). Данные о том, каким образом страны объединены по регионам, см. в приложении I. Нужно учитывать, что восходящие тренды преобладали во всем мире в последние тридцать лет, с двумя исключениями: (1) продолжительность жизни и благосостояние в африканских странах южнее Сахары начали расти лишь недавно; (2) после краха коммунизма посткоммунистические общества столкнулись с падением качества жизни, особенно уровня благосостояния, но сейчас ситуация улучшается.

Войны, террор, пытки и другие формы физического насилия в большинстве мест стали встречаться реже с окончанием периода деколонизации (Human Security Report Project, 2006; Gat, 2006; Nazaretyan, 2009; Pinker, 2011). В самом деле, глобальное распространение демократии и усилившееся внимание к правам человека помогли ограничить угнетение людей в глобальном масштабе (Huntington, 1991; Markoff, 1996; Moravcsik, 2000; McFaul, 2002; Landman, 2005; Pegram, 2010).

Женская половина человечества особенно выиграла от сокращения репрессивных практик. Патриархатность — самая долговременная форма угнетения людей — отступает, и статус женщин устойчиво повышается почти во всех странах мира, за редким исключением (Walter, 2001; Inglehart & Norris, 2003; Strom, 2003; Paxton, 2009; Alexander & Welzel, 2010)².

Поисходят улучшения даже в той сфере, в которой, по мнению ученых, они были невозможны: субъективном благополучии (Easterlin, 1995; 2005). Как показывают недавние исследования, удовлетворенность жизнью и количество «счастливых прожитых лет» увеличились за последние тридцать лет в большинстве стран, для которых доступны данные (Hagerty & Veenhoven, 2006; Inglehart, Foa, Peterson & Welzel, 2008; Veenhoven, 2010)³.

Физическая безопасность, мир, процветание, продолжительность жизни, образование, технология, демократия, главенство закона, гражданские права, доверие, толерантность, активность общественных движений, гендерное равенство, социальная безопасность, защита окружающей среды и счастье людей — все эти показатели выше в постиндустриальных обществах знаний (Bell, 1973; Toffler, 1990; Drucker, 1993; Florida, 2002). Эти общества находятся на переднем крае процесса человеческой эмансипации. Люди в обществах знаний живут в условиях ослабления механизмов социального контроля, ослабления групповых норм, снижения конформного давления и, обобщая вышесказанное, в условиях индивидуализации: процесса, передающего контроль над поведением людей в их собственные руки (Wellman, 1979, 2001; Beck, 2002). Когда это происходит, социальные институты все в большей степени нуждаются в добровольном согласии людей, чтобы функционировать (Coleman, 1990). Индивидуализация повышает важность человеческих ценностей как руководства для действий. Как показывает эта книга, наиболее важный набор ценностей, появляющийся в процессе индивидуализации, — это эмансипативные ценности.

Эмансипативные ценности подчеркивают свободу выбора. Однако ориентация на свободу — не эгоистическая: она сочетается с подчеркиванием важности равенства возможностей. Это направляет внимание людей на вопросы социальной справедливости. В результате людей все больше заботят и огорчают случаи дискриминации. Можно выделить два аспекта взаимосвязи эмансипативных ценностей и толерантности. С одной стороны, эмансипативные ценности подразумевают *большую* толерантность к девиантному поведению,

² Это утверждение подкрепляется данными Программы развития ООН (United Nations' Development Program, 2011), индекса гендерного развития (Gender Development Index, или GDI) и показателей гендерного эмпауэрмента (Gender Empowerment Measure, или GEM), демонстрирующими постоянные улучшения жизни и участия в управлении женщин почти во всех странах мира.

³ Исследование Инглхарта с коллегами (Inglehart et al., 2008) показало, что субъективный уровень счастья вырос в пятидесяти из пятидесяти пяти обществ, для которых доступны данные не менее чем за пятнадцать лет.

невмешательство в личные дела других людей. Люди по мере усиления эмансипативных ценностей относятся терпимее к гомосексуальности и другим беспроблемным, приемлемым для общества формам отклонения от норм. С другой стороны, эмансипативные ценности означают *меньшую* толерантность к поведению, которое нарушает права других людей. Следовательно, сексуальные, расистские и другие формы дискриминации становятся менее *приемлемыми*, чем более усиливаются эмансипативные ценности. Эмансипативные ценности порождают *либеральный* тип толерантности. Либеральная толерантность нетерпима к *антилиберальным* практикам.

Эмансипативные ценности, понимаемые как ориентация на свободу выбора и равенство возможностей, нельзя считать абсолютно новым феноменом. Напротив, эмансипативные идеалы были первоначально сформулированы философами эпохи Просвещения: Кантом, Миллем и Монтескье (Grayling, 2007). В начале Нового времени дух эмансипативных ценностей вдохновлял либеральные революции XVII—XVIII вв. в Западной Европе и Северной Америке (Chirot, 1994). Первоначально фокусом эмансипации была отмена рабства и крепостного права, а также защита людей от тирании государства. С тех пор произошли изменения: дух эмансипации распространился и стал массовым, и теперь любые формы дискриминации уже не остаются без внимания, будь то расизм, сексизм, эйджизм, и любые другие формы несправедливости. Очень важно, что эмансипативные ценности появились и за пределами западного мира. Мы отмечаем их рост в Латинской Америке, в посткоммунистическом мире, в Азии, на Ближнем Востоке, а также в некоторых странах Африки. По крайней мере, как мы увидим в главах 3 и 4, это показывают данные Мирового исследования ценностей.

По мере усиления эмансипативных ценностей они мотивируют ряд движений за равные права. Они также продвигают антидискриминационные нормы, которые становятся главным стандартом оценки для критически настроенных масс-медиа и процветающей индустрии общественных организаций, занимающихся социальным мониторингом (Keane, 2011). Постоянное публичное давление на чиновников со стороны общественных движений и масс-медиа ограничивает их власть над людьми. В обществах знаний права человека постоянно расширяются, что получило название «революции прав» (Epp, 1998; Ignatieff, 2000; Frank, 2002; Pinker, 2011). Сходным образом развивается защита людей от произвола и власти правительства и корпораций, вводится новое законодательство для защиты потребителей, личных данных, меньшинств и других прав человека (Bainbridge, 2000; Bagudu, 2003; Freeman, 2003; Switzer, 2003; Carey, 2004; Hibbert, 2004; Long, 2004; Kafka, 2005; Keane, 2011). В то же самое время открываются новые каналы участия людей в политике и планировании политических решений (Smith & Wales, 2000; Petts, 2001; Scarrow, 2001; Ansell & Gingrich, 2003; Cain, Egan & Fabrini, 2003).

Эти тенденции наиболее отчетливо проявляются в обществах знаний и разрыв между этими обществами и остальным миром все еще велик. Тем не менее и другие общества по всему миру подхватывают данные тенденции.

У всех указанных выше социальных изменений есть общая черта: каждое тем или иным способом способствует увеличению власти людей — дает им возмож-

ность пользоваться свободами, включая свободу самим принимать жизненные решения и участвовать в общественной жизни. Но одна из наиболее значимых черт всех этих изменений связана с тем, что объединяющую их тему редко замечают. Из-за специализации различные группы ученых-обществоведов обсуждают лишь отдельные аспекты этих изменений. Единая тема, которая объединяет многочисленные изменения в единый поток, не замечается: это «гуманистическая трансформация» цивилизации, единый поток событий, усиливающий в обществах влияние и власть обычных людей. Лучше всего это назвать *процессом человеческой эмансипации*.

Эмансипативные ценности — источник вдохновения этого процесса. Вот почему данная книга сфокусирована именно на них. В следующем параграфе представлен обзор различных ее глав. Затем, в третьем параграфе данного введения, обсуждаются схема глобальных культурных зон и категоризация обществ по уровню эмансипированности людей, используемая во всех главах. Книга дополнена обширным приложением (см.: ссылку <http://www.cambridge.org/no/academic/subjects/politics-international-relations/comparative-politics/freedom-rising-human-empowerment-and-quest-emancipation>), в котором можно найти все технические подробности, в особенности — об измерении различных показателей и дополнительном анализе, а также данные, которые могут быть полезны для самостоятельной проверки выводов, представленных в данной книге.

2. План книги

Двенадцать глав этой книги сгруппированы в четыре части. *Часть А* содержит четыре главы и рассматривает суть и особенности эмансипативных ценностей. В *части В* три главы, в них обсуждается, каким образом эмансипативные ценности способствуют гражданской активности в обществах, выстраивающих новый социальный капитал. Три главы *части С* посвящены главному последствию эмансипативных ценностей для усиления гражданского общества: стремлению к демократии. В двух главах *части D* эмансипативные ценности рассмотрены в широкой цивилизационной перспективе; анализируется их значение в истории и их роль для экологической устойчивости нашей планеты. Далее приводится краткий обзор глав.

Глава 1. Теория эмансипации. Это теоретическая глава, в ней рассмотрены эмансипативные ценности в рамках широкого процесса человеческой эмансипации. С опорой на работы Сена (Sen, 1999) и Нусбаум (Nussbaum, 1998) в главе описывается человеческая эмансипация как процесс освобождения людей от внешнего господства. Эмансипативные ценности являются вдохновляющим ядром этого процесса. Они дают людям *психологическую* силу, укрепляя их мотивацию реализовать свободы. Как показано на рисунке 1.1, эмансипативные ценности дополняют два других элемента человеческой эмансипации: необходимые для действия ресурсы и гражданские права. Ресурсы для действий обеспечивают экзистенциальный аспект человеческой эмансипации, усиливают их способность использовать свободы. Гражданские права представляют собой *институциональный* аспект эмансипации, расширяющий гарантии свобод. Связанные эмансипативными ценностями, все три элемента вместе составляют человеческую эмансипацию.

Часть А. Как понимать эмансипативные ценности

Глава 1. Теория эмансипации

Власть народа и власть разума — это же одно!¹¹

Георг Бюхнер

Введение

В этой главе выстраивается теоретическая основа моего исследования. Я представляю концепцию *человеческой эмансипации*, основывающуюся на *эволюционной теории эмансипации*. Это теория «эмансипации», потому что она фокусируется на человеческом желании жить свободно от всякого господства. Именно так я определяю эмансипацию. Эта теория — «эволюционная», потому что описание всей системы понятий о человеческой эмансипации выводится из корневого эволюционного принципа: [принципа восхождения по] *лестнице полезности свобод*. Первооснова этого принципа — развитое в ходе эволюции качество, присущее нашему виду: *субъектность* [*agency*] людей, то есть способность действовать целенаправленно.

Субъектность — эмансипирующее по своей природе качество, избранное эволюцией за способность формировать реальность. Субъектность делает гарантии свобод полезным благом в той мере, в которой люди обладают ресурсами для проявления своих субъектных качеств. Если этих ресурсов достаточно, люди осознают ценность свобод и действуют так, чтобы их себе гарантировать. Если это предположение верно, то стремление к свободам *адаптивно* в том смысле, что оно зависит от обстоятельств: оно ослабевает и затухает, если ресурсы, которыми люди обладают, недостаточны и ограничены. Как только жизненные условия улучшаются, стремление к свободам пробуждается и начинает распространяться, пока не становится настолько широким, что люди предпринимают коллективные действия во имя тех свобод, которые они совместно ценят. Когда такое происходит, мощь солидарности растёт, и с какого-то момента ее уже не одолеть. По этой причине правители вынуждены гарантировать гражданские свободы и выполнять эти гарантии. Тот же принцип работает и в обратном направлении: если обстоятельства продолжают ограничивать активность людей — стремление к свободе

¹¹ Бюхнер Г. Смерть Дантона. — Прим. ред.

не проявляется, никаких действий в поддержку свобод не происходит, и маловероятно, что правители эти свободы гарантируют, но даже если это случится, то им очень легко эти гарантии отменить.

Эти идеи можно сформулировать в тезисе: если свободы прирастают, то в последовательности *полезность — ценность — гарантия*. Это то, что я называю *тезисом последовательности* в теории эмансипации.

Когда спектр свобод расширяется, мы наблюдаем эмансипацию: люди обретают контроль над своими жизнями и определяют круг вопросов, обсуждаемых и решаемых в своем обществе. По мере развития эмансипации появляются эмансипативные ценности, обеспечивающие психологическую связь между растущей полезностью и гарантиями свобод. Институты, гарантирующие всеобщие свободы, — это *результат*, а не причина этого процесса. Данное уточнение важно, поскольку оно полемизирует с популярной точкой зрения, что институты — причина всякого развития (North, Wallis & Weingast, 2009; Acemoglu & Robinson, 2012; Fukuyama, 2012).

В данной главе детально рассматриваются приведенные выше положения. В первом разделе главы представлены эпистемологические предпосылки теории человеческой эмансипации: универсальность человеческого стремления к освобождению и его адаптивность к неблагоприятному давлению среды [existential pressures]. Во втором разделе описываются три элемента человеческой эмансипации, раскрывающие различные аспекты субъектности: ресурсы для действий в сфере способностей [capabilities], эмансипативные ценности в сфере мотивации и гражданские права в сфере гарантий. В третьем разделе показано, как тезис последовательности объясняет связь между тремя элементами эмансипации. В четвертом разделе вводится эволюционный принцип, лежащий в основе *лестницы полезности свобод*, чтобы объяснить, почему различные общества оказываются в противоположных циклах развития: в циклах угнетения [disempowerment] и эмансипации. Общества в цикле угнетения стабильны до тех пор, пока могут отгородиться от обществ, находящихся в цикле эмансипации, а сталкиваясь с ними, теряют стабильность. В этом состоит эволюционное преимущество человеческой эмансипации. Завершает главу резюме её тезисов.

1. Гуманистический универсализм

1.1. Проблема природы человека

«Эмансипация» означает процесс, в ходе которого люди освобождаются от внешних ограничений, мешающих им реализовывать свои собственные и общие ценности (Sen, 1999). Таким образом, эмансипация — это процесс полного освобождения субъектности людей. Этот процесс достигнет полного завершения, когда *единственным* оставшимся ограничением свобод каждого будут аналогичные свободы всех других людей. Это, конечно, идеальное состояние, которое, возможно, никогда не будет достигнуто. Однако, как мы увидим, реальность демонстрирует различные степени приближения к такому состоянию.

Понятие человеческой эмансипации, с моей точки зрения, не связано с вопросом, существует или нет «свобода воли». Принципиальный вопрос — свободны ли люди от *внешних* ограничений, чтобы действовать исходя из собственных ценно-

стей. Вопрос не в том, обладают ли люди *внутренней* свободой в том смысле, что они полностью контролируют свои ценностные предпочтения¹². Вне зависимости от того, насколько свободны люди в выборе своих ценностей, после того как ценности сформируются, свобода действий для их достижения становится главным оценочным критерием с точки зрения человеческой эмансипации.

Делая акцент на свободе от внешнего принуждения, концепция эмансипации оценивает *каждое* общество по одному и тому же стандарту *полезности*. Подобный универсальный подход имеет основания, если — и только если — человеческая природа существует в инвариантном, т. е. в не зависимом от особенностей конкретной культуры виде. И это очевидно. Только в случае существования универсальной человеческой природы мы можем обобщенно сформулировать, что означает — быть человеком. Так мы можем дать универсальное определение понятиям «благополучие людей» и «полезность для людей»¹³. И только тогда уместно оценивать все общества по единому критерию. Предположение о существовании человеческой природы принципиально для универсального гуманизма — нормативной позиции, которую занимают сторонники концепции человеческой эмансипации (Anand & Sen, 2000).

Универсальный гуманизм полемизирует с концепцией культурного релятивизма (Kukathan, 2006), отрицающего всеобщность природы человека. Будучи социальными существами, люди рассматриваются *исключительно* как продукт культур. У людей из разных культур мало общего, за исключением тривиальных биологических признаков. Таким образом, культурные различия подразделяют людей на виды. За пределами биологии такие понятия, как человечность, человеческое благополучие и полезность не обладают для людей из разных культур одинаковым значением. Следовательно, универсальный гуманизм неполноценен для применения одного-единственного критерия поверх культурных границ (Benedict, 1959 [1934]; Wong, 2006).

Тем не менее культурный релятивизм, похоже, теряет свою доказательную базу в эмпирических науках. Новые достижения эволюционной психологии (Brown, 1991; Geary, 2007), кросс-культурной психологии (Ryan & Deci, 2000; Schwartz, 2004), эволюционной антропологии (Boyd & Richerson, 2005; Turner & Maryanski, 2008), сравнительной лингвистики (Chomsky, 2000; Pinker, 2002), экспериментальной экономики (Fehr & Gaechter, 2005; Fehr, Gaechter & Thoeni, 2010) и экспериментальной философии (Guglielmo, Monroe & Malle, 2009) указывают на наличие значимых человеческих универсалий, не зависящих от культуры. Одна из этих универсалий — эволюционный принцип формирования ценностей.

Это ни в коем случае не отрицает культурные различия человеческих ценностей — как раз напротив: культурные различия глубоки. Их удается измерять все

¹² Удивительно, но свобода людей ценить свободы ограничена. Адаптивный поиск свобод — это сформированный эволюцией механизм адаптации; он предрасполагает людей ценить свободы только в той степени, в которой имеющиеся у людей ресурсы для действий могут делать свободы полезными. Работу этого механизма люди не могут произвольно контролировать. Таким образом, существуют ограничения для «свободы воли».

¹³ Для различения объективных и субъективных аспектов человеческого существования я использую термин «полезность» 'utility' исключительно в смысле объективных полезностей и возможностей и термин благополучие 'wellbeing' исключительно в смысле субъективного благополучия. Учитывать это различие важно, поскольку эволюция связала наше субъективное благополучие с объективными полезностями. Связь полезности с благополучием принципиально важна для нашего взаимодействия с реальностью.

с большей точностью. Например, ученые оценивают, насколько культуры «жесткие» или «мягкие», рассматривая действующие в них нормы, «коллективистические» или «индивидуалистические», ориентированы ли они на «выживание» или на «эмансипацию». Однако механизмы, определяющие, какие из этих культурных ориентаций доминируют в обществе, выводятся из основного принципа эволюции, управляющего всеми культурами: *лестницы полезности свобод*. Результаты трех кросс-культурных исследований отмечают силу этого принципа. Прежде всего, это исследование Инглхарта и Вельцеля (Inglehart & Welzel, 2005), показывающее, что в обществах, где большинство людей живут под давлением неблагоприятных жизненных условий, доминируют ценности выживания. Эти ценности отдают приоритет безопасности, а не свободе. Сходным образом Триандис (Triandis, 1995) утверждает, что давление неблагоприятных жизненных условий объясняет, является ли данная культура «коллективистической» или «индивидуалистической». Ослабление давления уменьшает потребность в коллективной дисциплине и открывает возможности для индивидуализма. Гельфанд с коллегами (Gelfand et al., 2011) также обнаружили, что давление жизненных условий определяет, окажется ли культура «тесной» [tight] или «просторной» [loose]. При ослаблении негативного давления потребность в жестких нормах ослабевает, и культуры становятся «мягче».

Основной принцип, стоящий за всеми этими изысканиями — *лестница полезности свобод*. Объективно, свободы приобретают полезность, когда давление жизненных обстоятельств ослабевает: низкий уровень давления означает, что люди в меньшей степени вынуждены делать то, что не оставляет им никакого выбора. Степень свободы действий людей, таким образом, увеличивается; следовательно, гарантии, дающие людям право делать свой выбор, становятся полезными, что не остается незамеченным. Эволюция вывела людей на вершину пищевой цепочки, снабдив нас исключительными перцептивными способностями для восприятия жизненных возможностей (Geary, 2007; Kaplan, Gurven & Lancaster, 2007). По этой причине люди не оставляют без внимания тот факт, что полезность свобод возрастает. Когда люди начинают ценить свободы, появляются эмансипативные ценности. Эти ценности сдвигают культуры от «тесного» взгляда на мир к более «просторному», от коллективистического — к индивидуалистическому. Эти сдвиги коренятся в механизме адаптации человеческого разума, где логика человека — универсальный компонент его природы. Люди не принимают эмансипативные ценности, когда давление неблагоприятных жизненных условий опускает их на нижние ступени *лестницы полезности свобод*. И, напротив, люди принимают эмансипативные ценности, когда благоприятные условия жизни позволяют им подниматься на верхние ступени *лестницы полезности свобод*.

Если восхождение по *лестнице полезности свобод* — действительно главный эволюционный принцип, определяющий культурные различия, то всеобщая, единая человеческая природа, очевидно, существует. Из этого вытекает, что у человеческой полезности, благосостояния, достоинства есть культурно-инвариантное значение. И, таким образом, подход, основанный на человеческой эмансипации, выявляет это значение.

Идея человеческой эмансипации стала заметной благодаря понятию «человеческое развитие», введенному экономистом Амартьей Сеном (Sen, 1999) и фи-

лософом Мартой Нусбаум (Nussbaum, 2000; 2006). Этот термин применяется к индивидам и обществам. В обоих случаях его значение эквивалентно. Для индивидов человеческая эмансипация означает развитие *личной субъектности*, то есть достижения такой стадии личностной зрелости, на которой индивид осознает свои ценности и выбирает действия, соответствующие им. Для обществ человеческая эмансипация обозначает развитие *гражданской субъектности*, то есть достижение такой стадии зрелости общества, на которой все люди в равной степени свободны выбирать действия, соответствующие своим ценностям. Человеческая эмансипация, следовательно, — это свобода стремиться к реализации возможностей, оцениваемых как важные, хотя и с одним ограничением: все другие люди должны в равной степени обладать такой же свободой (Nussbaum & Sen, 1993; Anand & Sen, 2000; Clark, 2002; 2006).

Эти идеи навеяны специфическим пониманием того, что такое человек. Понятие человечности в свою очередь определяет, что понимается под понятиями «гуманная жизнь» и «гуманное общество». В двух словах понятие человечности, лежащее в основе этой концепции, можно описать следующим образом. Как биологический вид люди отличаются от других существ на нашей планете большей степенью свободы в выборе своих действий. Следовательно, свобода выбора — определяющая характеристика вида Человек разумный¹⁴. Эта свобода основывается на сформированной эволюцией способности человеческого интеллекта представлять альтернативные варианты действий и предвидеть их различные исходы. Такая способность позволяет выбирать действия, ведущие к тому исходу, который имеет большую ценность для индивида (Miller, 2001; Kaplan, Gurven & Lancaster, 2007; Mithen, 2007). Итак, если *потенциал* достижения свободы определяет человечность, тогда «человеческое» развитие — это не что иное, как *реализация* этого потенциала. Следовательно, гуманная жизнь — это жизнь, в которой индивид свободен действовать в соответствии со своими ценностями.

Поскольку потенциал свободы — это *всеобщее* человеческое качество, он присутствует у *каждого* индивида. Каждый человек в равной мере человечен и, по этой причине, одинаково ценен. Гуманным обществом, таким образом, может быть только общество, в котором свободы и все нужное для их реализации в одинаковой степени доступны каждому.

Этот ход мысли по своей сути эмансипаторный: его идеал — мир, в котором люди свободны от всех внешних ограничений, кроме точно такой же свободы других. Эмансипаторный идеал наиболее ярко сформулирован в философии Просвещения, особенно в классических работах Канта и Милля, а также в современных трудах Поппера (Popper, 1971 [1962]), Роулза (Rawls, 1971), Дворкина (Dworkin, 1988) и Сена (Sen, 1999). Эмансипаторный дух объединяет республиканское, либеральное, демократическое направления мысли, а также сторонников теории обще-

¹⁴ Отрицает или поддерживает эту позицию понятие «свободной воли»? Я думаю, как минимум, мы можем утверждать, что наша интеллектуальная способность моделировать альтернативные варианты выбора и оценивать их полезность по критериям определенной системы ценностей расширяет репертуар поведения. Действительно, функция ценностей — обеспечить нам более высокую способность преодолевать инстинктивные импульсы. Следовательно, у людей есть определенные степени свободы для контроля своих инстинктивных импульсов. Человеческая способность препятствовать удовлетворению существует лишь по этой причине. В этом смысле мы в некоторой степени обладаем свободой воли.

ственного договора, и развивается в то, что Сандер (Sunder, 2003) назвал Новым Просвещением, для которого характерен перенос искры эмансипации в те сферы господства, которые не были затронуты изначальной философией Просвещения, в особенности, в семью и религию. Особенно важно, что эмансипаторные идеалы все энергичнее продвигаются активистами движения защиты прав человека в незападных странах: в Азии, Африке и на Ближнем Востоке, включая людей, обладающих огромным моральным авторитетом, таких как Нельсон Мандела (1994), Аун Сан Су Чжи (1995), Далай Лама (1999), Саад Эдин Ибрагим (2002), Чаохуа Вонг (2005).

1.2. Проблема «западоцентричности»

Может создаться впечатление, что эмансипаторный идеал человеческого существования без ограничений — уникальное явление западной культуры. Однако это не так. В каждой культуре можно найти представления о таком укладе жизни людей, когда они свободны от внешних ограничений (Dumont, 1986). Все главные мировые религии связывают реализацию подобного свободного существования со спасением и с *загробной* жизнью в ином мире. Тем не менее спасение — это, по своей сути, эмансипаторное понятие, и в нем нет ничего специфически западного (Valea, 2010). Специфически западной, хотя все в меньшей и меньшей степени, является светская концепция эмансипации, освобождения: идея, что свободы могут быть реализованы в *этой* жизни.

Притягательность эмансипации коренится в несоответствии, омрачающем человеческое существование: *несоответствие между воображением и реальностью* (Вапан, 1966). Это противоречие затрагивает проблему «разума и тела», которая обсуждалась как в западной, так и в восточной философии (Krishnamurti, 2005). Человеческий разум свободен в том смысле, что есть очень немного ограничений для тех реалий, которые он способен вообразить. Однако люди способны реализовать лишь крошечную часть того, что способны вообразить. Учитывая данное противоречие, наше материальное бытие вовсе не так непринужденно, как наше воображение. Тем не менее именно потому, что люди способны воображать ничем не ограниченное существование, такое бытие становится их предельным желанием, терминальной ценностью. Желание бессмертия, которое все мировые религии трактуют как вечную жизнь после смерти, выражает эту терминальную ценность (Valea, 2010).

До начала индустриальной эры жизнь была «короткой, грубой и скверной», как много лет назад сказал Томас Гоббс¹⁵. До недавнего времени идея возможности существования без бед и страданий в *этой* жизни представлялась невероятной. Пока страдания и несчастья были атрибутом жизни большинства людей, единственным способом совладать с несоответствием между воображением и реальностью была вера в свободное бытие в *загробной* жизни. Эта утешительная функция — одна из ключевых целей религии.

Научно-техническая революция, ставшая движущей силой индустриализации, резко повысила влияние технологий, развитие которых достигло беспрецедентного уровня, расширив возможности людей контролировать реальность в новых

¹⁵ Во времена войны всех против всех «жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна» (Гоббс Т. Левиафан. Гл. XIII). — Прим. ред.

направлениях. Общества, находившиеся на передовой линии технологического прогресса, использовали его возможности, чтобы сделать жизнь людей более продолжительной, безопасной, комфортной, интересной, осмысленной и — свободной (Ridley, 2010; Morris, 2010; Pinker, 2011). Главная проблема сегодняшнего дня: как распространить идею эмансипации человеческого существования на все те регионы, где люди продолжают страдать от угнетения и бедности, — не разрушив при этом нашу планету.

Сторонники теории общественного договора, либеральной, демократической и космополитической традиции, а также и те, кто развивает теорию человеческой эмансипации, убеждены, что каждый человек одинаково обладает правом на свободное бытие. Следовательно, возможность жить свободно должна быть равнодоступной в гуманном обществе. В этом смысле теория человеческой эмансипации преодолевает противоречие между свободой и равенством (Nussbaum, 2006). Действительно, равенство — это ключевое основополагающее свойство свободы, вопрос равной степени свободы для каждого. Данная позиция перекликается с *первым принципом справедливости* Роулза (Rawls, 1971: 53):

«Каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной системы равных основных свобод, совместимых с подобными системами свобод для других»¹⁶.

Акцент на свободе выбора и равенстве возможностей может подвергаться критике как навязывание западной точки зрения о том, что такое хорошая жизнь и хорошее общество, но подобная критика основывается на двух неверных предположениях, которые могут быть сформулированы следующим образом:

(1) осуществление свобод — это возможность, которой обладают только западные общества;

(2) осуществление свобод — это ценность, признанная лишь западным обществом.

Каждое из этих предположений легко опровергнуть. Абсурдность первого очевидна: возможность реализации свобод коренится в когнитивных способностях человека, а именно — в способности находить альтернативные варианты действий. Нельзя всерьез утверждать, будто эта способность — качество исключительно «западных» людей.

Что касается второго предположения, действительно ли свободы ценятся лишь западным обществом? Подобное утверждение активно продвигалось сторонниками тезиса «азиатских ценностей» (Yew, 1994; cf. Thompson, 2001; 2004). Однако их заявление, будто «незападные» люди не разделяют западного представления о ценности свобод, чаще подвергается распространению, чем находит подтверждение. На деле, ряд эмпирических исследований доказывает прямо противоположное.

Определить, ценят ли люди свободы, можно, проанализировав, повышает ли ощущение свободы удовлетворенность жизнью. Инглхарт и Вельцель (Inglehart and Welzel, 2005: 140) изучали этот вопрос, основываясь на данных из семидесяти стран мира. Они обнаружили, что чувство свободы повышало степень удовлетворенности

¹⁶ Перевод дан по: Ролз Дж. Теория справедливости / науч. ред. В. В. Целищев. Новосибирск : Изд-во Новосибирского университета, 1995. С. 66. — *Прим. ред.*

жизнью людей во всех странах, независимо от культурных различий. Данное открытие нашло подтверждение и в других исследованиях, включая мета-анализ всех опубликованных исследований по данной теме (Fischer & Boer, 2011): чувство свободы влияет на удовлетворенность жизнью исключительно позитивно. Варьируется лишь сила этого влияния. Однако причина данной вариации — не культура, а степень суровости жизненных условий: в тех странах, где жизнь легче, влияние чувства свободы на удовлетворённость жизнью сильнее (Delhey, 2009; Welzel & Inglehart, 2010). Из приведенных выше результатов следуют три вывода. Во-первых, стремление к свободам реально. Во-вторых, оно адаптивно. В-третьих, логика этой адаптивности инвариантна во всех культурах.

Возможно, люди в различных культурах определяют свободы абсолютно по-разному, но тогда окажется невероятным совпадением тот факт, что все эти разные определения так тесно связаны с удовлетворенностью жизнью. Конечно, объяснять подобную связь как простое совпадение было бы наивно. В самом деле, экспериментальные исследования, опирающиеся на психологическую теорию саморегуляции, подтверждают, что позитивное влияние ощущаемой свободы на удовлетворенность жизнью — кросс-культурная универсалия (Deci & Ryan, 2000; Chirkov, Ryan, Kim & Kaplan, 2003; Haller & Hadler, 2004). Как показала работа Тернера и Марьянски (Turner and Maryanski, 2008), рост удовлетворенности от ощущения свободы происходит из стремления к эмансипации, развившегося в процессе эволюции.

В итоге акцент, который теория человеческой эмансипации делает на свободах, не подразумевает специфически западного понимания того, что такое хорошая жизнь и хорошее общество. Это универсальная гуманистическая точка зрения.

2. Три элемента человеческой эмансипации

Концепция человеческого развития, предложенная Сеном, фокусирует внимание на способностях, позволяющих людям реализовывать свободы. По этой причине такой подход часто называют подходом на основе возможностей [capability approach] (Clark, 2002, 2006; Nussbaum, 2000). Вельцель, Инглхарт и Клингеман (Welzel, Inglehart & Klingemann, 2003) развили его в концепцию человеческой эмансипации, включив в него эмансипативные ценности в качестве дополнительного элемента.

Эмансипативные ценности придают особое значение свободе выбора и равенству возможностей. Они действуют как мета-ценность, которая под своим «зонтиком» допускает реализацию большого разнообразия специфических ценностей: эмансипативные ценности подчеркивают свободу людей стремиться к специфическим ценностям по своему выбору.

Однако разнообразие допустимых специфических ценностей имеет свои ограничения. Чтобы предотвратить разрушение эмансипации от реализации ее же собственных принципов, нельзя допускать каждую специфическую ценность. Для защиты толерантности от саморазрушения недопустима нетерпимость. Это явление известно как «парадокс свободы»: чтобы поддерживать свободу, непозволительно разрешать свободе выбирать несвободу. Например, свобода следовать культурным традициям, нравящимся индивиду, не должна защищать культурные традиции, нарушающие свободу. При главенстве эмансипации нет зон, в которых

отрицалось бы требование всеобщих свобод. В этом смысле эмансипативные ценности порождают *либеральную ограниченность* толерантности, нетерпимую к нелиберальным практикам.

Рисунок 1.1. Концепция человеческой эмансипации

В самом общем смысле человеческая эмансипация означает свободу людей действовать в соответствии с их ценностями в той степени, в какой это не нарушает аналогичные свободы всех остальных людей. Для того чтобы как можно больше людей смогли реализовать свободы на практике, их жизнь должна быть обогащена тремя «ингредиентами», как это показано на рисунке 1.1. Давайте их последовательно обсудим.

2.1. Эмансипация через гарантии: права человека

Начнем с наиболее очевидного «ингредиента»: людям должно быть *позволено* осуществлять свободы. Такое позволение обеспечивается правовыми гарантиями свобод. Эти гарантии должны быть «демократическими», т. е. каждый гражданин должен быть наделен ими в равной степени.

В любом гражданском обществе принято выделять две сферы жизни: частную, вопросы которой решаются путем личного выбора человека, и общественную, в которой решение вопросов берет на себя общество в целом. Отсюда следует, что для эмансипации в обеих сферах права человека должны гарантировать частные и общественные свободы (Beetham, 1999; O'Donnell, 2004; Saward, 2006; Williams, 2006). Частные свободы гарантируются *правами на личную автономию*; общественные свободы гарантируются *правами на политическое участие*. Чтобы права человека были институционализированы в полной мере, обе системы прав должны быть гарантированы, причем в равной пропорции, чтобы ни одна сфера прав человека не получала приоритета за счет другой.

В том случае, если унаследованное неравенство препятствует реализации прав на автономию и участие, то необходимы компенсационные права в качестве еще

одной, третьей сферы прав (Marshall, 1950). Таким образом, концепция человеческой эмансипации не оправдывает абсолютный рыночный либерализм: человеческая эмансипация требует такой организации общества, при которой государство вмешивается там, где рынки неспособны обеспечить равенство возможностей. Гарантии компенсационных прав для людей, принадлежащих к малоимущим группам населения, служат средством достижения этой цели. Следовательно, концепция человеческой эмансипации защищает права на автономию, права на участие и компенсационные права для малоимущих слоев населения. Концепция человеческой эмансипации подразумевает *единую* концепцию прав.

Часто обсуждаемое противоречие между правами на участие, правами на автономию и компенсационными правами разрешается в теории человеческой эмансипации. Как отмечает Бретшнейдер (Brettschneider, 2007: 8, fn. 4): «демократия и права не противоречат друг другу, но являются элементом непротиворечивой, единой теории самоуправления».

Во всяком случае, гражданские права эмансипируют людей на уровне гарантий, привнося институциональный элемент в человеческую эмансипацию¹⁷. Гражданские права предоставляют разрешение на свободы.

2.2. Эмансипация через способности: ресурсы для действий

Возможность людей осуществлять права и свободы — это не только вопрос *гарантий*, но и вопрос *способностей*, которые не так легко предоставить, как *гарантии*. Причина очевидна. Гарантии непосредственно доступны для внедрения, потому что они провозглашаются и закрепляются законами. Однако способности нельзя ввести законом: законы могут *предписывать* желательный вариант реальности, но не могут создать его.

Способность людей осуществлять свободы — прямое отражение доступных им ресурсов. Люди, располагающие большим количеством ресурсов, свободнее в том смысле, что они имеют больше способов достижения того, что ценят. Это свойство ресурсов определяет их как *ресурсы для действий*. Можно выделить три вида ресурсов для действий:

(1) *интеллектуальные ресурсы*: знания, навыки и информация;

(2) *коммуникативные ресурсы*: сети обмена информацией и средства коммуникации;

(3) *материальные ресурсы*: оборудование, инструментарий и доход.

Ни один из типов человеческой деятельности не достается даром. Чтобы делать что-то, нужны навыки; многие виды деятельности требуют оборудования или финансовых вложений; некоторые виды деятельности можно выполнять лишь совместно с другими людьми, так что они требуют возможности для установления контакта с единомышленниками и партнерами.

Повсеместное технологическое развитие увеличивает объемы всех трех видов ресурсов (Bell, 1973; Elias, 2004 [1984]; Toffler, 1990; Drucker, 1993). Оно

¹⁷ Я использую термин «институты» в исключительно *формальном* смысле, подразумевая под институтами конституции, законы и другие формы официального регулирования. Я воздерживаюсь от расширительной трактовки данного термина, включающей «неформальные институты», поскольку в этом случае понятие «институт» становится неотличимым от понятия культуры. Размывание различия между двумя последними понятиями лишает нас возможности анализировать взаимовлияние культуры и институтов.

совершенствует оборудование и приводит к повышению образовательного уровня, расширению доступа к информации и уплотнению взаимоотношений людей через различные сети обмена информацией. Эти тенденции расширяют интеллектуальные, коммуникативные и материальные ресурсы людей.

Ресурсы для действий в этом отношении развивают способности людей, обеспечивая материальный элемент эмансипации людей. Они увеличивают пользу, получаемую людьми от свобод. Чем больше имеется ресурсов для действий, тем большую совместную пользу получают люди от свобод, что служит основой для солидарности.

2.3. Эмансипация через мотивацию: эмансипативные ценности

Даже сочетание гарантий и способностей недостаточно для человеческой эмансипации. Людям можно дать навыки и разрешение на осуществление свободы, но если они к этому не стремятся, свободы не будут осуществлены на практике. Свободы в таком случае останутся нереализованными возможностями. Поэтому, помимо гарантий и способностей, существует еще один компонент человеческой эмансипации — *мотивация*. Мотивы — прямое отражение того, что люди ценят в жизни. Ценности, создающие сильную мотивацию к осуществлению свобод, я называю «эмансипативными ценностями».

Эмансипативные ценности — это способствующая эмансипации мотивация, побуждающая к действию. Для этого есть два основания. Во-первых, акцент на равных возможностях, внутренне присущий эмансипативным ценностям, появляется с интериоризацией гуманных норм, делающих людей чувствительными к социальной несправедливости, так что любое столкновение с ней вызывает сильные негативные эмоции. Во-вторых, эмансипативные ценности признают важность самовыражения людей, соответственно, выражение общей озабоченности какими-либо проблемами становится само по себе ценностью и источником удовлетворенности. В результате оценка полезности меняется: полезность теперь связывается не только с достижением цели, но и с провозглашением цели. «Экспрессивная полезность» ослабляет препятствия, мешающие людям высказывать свои беспокойства.

Таким образом, эмансипативные ценности приводят к человеческой эмансипации на уровне *мотивации*, обеспечивая ее *психологическим* элементом. В то время как ресурсы для действий увеличивают полезность свобод, а права человека предоставляют гарантии свобод, появление эмансипативных ценностей приводит к тому, что свободы начинают ценить. Вместе эти три элемента человеческой эмансипации определяют статус свобод в обществе.

2.4. Человеческая эмансипация как гражданская субъектность

Чтобы оценить, на какой стадии эмансипации находится все общество в целом, принципиально важно изучить степень инклюзии: каково типичное положение большинства людей в обществе? Критерий инклюзии предъявляет требования ко всем трем аспектам человеческой эмансипации. Что касается прав человека, они должны в равной мере предоставляться каждому человеку, если мы стремимся к *инклюзивной* эмансипации.

С ресурсами для действий и эмансипативными ценностями ситуация сложнее, поскольку ресурсы и ценности подразделяются на *уникальные* и *общие*. Уникальными являются те ресурсы и ценности, которые отклоняются от типичных для большинства людей в данном обществе; общими — те, которые типичны для большинства людей. Уникальность ресурсов показывает, в какой степени полезность от свобод для отдельного индивида отличается от полезности для большинства других людей. Общая часть ресурсов указывает на *совместную* с большинством других людей полезность от свобод. Что касается ценностей, то их уникальная часть показывает, в какой степени их значимость для отдельного индивида отличается от значимости для большинства других людей. Общая часть ценностей в свою очередь показывает, в какой степени большинство других людей разделяет ценности отдельного индивида. Теперь ясно, что инклюзивность человеческой эмансипации растет только тогда, когда у людей растут *общие* доли ресурсов для действий и эмансипативных ценностей.

Инклюзия — это не только нормативное определение человеческой эмансипации, у нее есть и практические следствия, поскольку инклюзия создает основу для солидарности. Солидарность в свою очередь — это ключевая составляющая способности людей к коллективным действиям. Когда люди используют эту способность, они осуществляют свою гражданскую субъектность — неотъемлемый компонент сильного гражданского общества. Следовательно, инклюзивная эмансипация — это синоним гражданской субъектности.

3. Тезис последовательности

3.1. Эволюционная полезность свобод

Существование культуры в обществе не противоречит эволюции: наоборот, она выводит эволюцию на новый уровень. Как и ее биологическая основа, культура — это система наследования, запрограммированная накапливать, хранить и передавать проверенные знания о том, как управлять реальностью (Avery, 2004). Согласно биологии, знания для управления реальностью закодированы в генах и передаются путем наследования. В культуре же знания воплощены в элементах коллективной памяти, которые иногда называют «мемами»¹⁸ и передаются через обучение (Dunbar, Knight & Power, 1999; Chattoe, 2002; Boyd & Richerson, 2005).

Любая система наследования — биологическая или культурная — постоянно подвергается проверке реальностью. Следовательно, системы наследования все время формируются и изменяются посредством отбора на соответствие реальным условиям (Distin, 2011). Постоянство отбора обеспечивает самоуправляемый двигатель прогресса (Roux, 2010). Прогресс очевиден и в биологической, и в культурной системе наследования, хотя в обеих этих сферах он прерывается фазами стагнации перед резкими ускорениями.

Важным ускорением в биологической эволюции приматов была цефализация. Цефализация — это тренд увеличения головного мозга и усложнения его структуры, сопровождаемый развитием интеллектуальных способностей приматов

¹⁸ Английское слово «меме» созвучно слову «germ» — микроб, вирус: аналогия заключается в том, что некоторые знания, представления могут передаваться от человека к человеку и распространяться экспоненциально, как микробы. — *Прим. пер.*

(Flinn, Geary & Ward, 2005). Примерно 150 тысяч лет назад кульминацией процесса цефализации стал человеческий мозг — самое мощное на нашей планете устройство для управления знаниями (Alexander, 1987; Ehrlich, 2000). Отбор был нацелен на мозг, потому что его интеллектуальные способности допускали необычайную степень контроля над реальностью и средой (Flinn, Geary & Ward, 2005; Geary, 2007).

Формируя человеческий интеллект, эволюция изобрела свой собственный ускоритель — субъектность, то есть способность действовать целенаправленно. Субъектность позволяет намеренно экспериментировать, что ускоряет поиск более эффективных решений. В биологии эволюция работает с генетической информацией, и здесь эволюция лишена субъектности. Естественные усовершенствования генетического кода вида происходят случайно, путем случайных ошибок при копировании ДНК. Здесь экспериментирование идет *вслепую*, и поэтому прогресс идет медленно. В культуре эволюция работает с усвоенной информацией. Поскольку способность думать наделяет познающего актора субъектностью, приобретенная информация доступна для систематических улучшений посредством целенаправленного экспериментирования. Это создает возможности для *преднамеренных* инноваций — гораздо более быстрого двигателя прогресса (Nolan & Lenski, 1999; Avery, 2003; Boyd & Richerson, 2005).

Несмотря на различия в скорости, и в биологии, и в культуре эволюция ставит перед наследованием цель стремиться к большей полезности, отбрасывая то, что не работает, и закрепляя то, что позволяет лучше справляться с реальностью (Elias, 1984; Popper, 2009 [1987]; Nolan & Lenski, 1999; Rubin, 2002). Ни одна из наших социальных конструкций не исключается из отбора: технологии, идеологии и институты — все они постоянно подвергаются проверке реальностью и отбраковываются из совокупности действующих моделей в случае неудачи (Runciman, 1998; Chattoe, 2002; Diamond, 2005).

Иногда эволюция поздно «открывает» наиболее полезные свойства, но если такое свойство найдено, эволюция ускоренными темпами доводит его до совершенства (Miller, 2001). Мозг, например, существовал в течение очень долгого времени, пока не начался ускоренный процесс цефализации. С началом данного процесса преимущества большей интеллектуальной мощи окупались настолько быстро, что отбор ускоренно работал в ее пользу.

Рост технологических знаний в культурной эволюции сравним с ростом интеллектуальных способностей в биологической эволюции (Avery, 2003). Оба процесса нацелены на больший контроль над реальностью и демонстрируют полезность свобод. Люди всегда собирали и передавали технологические знания (Nolan & Lenski, 1999). Вследствие этого совокупность знаний росла с самой зарей человечества, как и контроль над реальностью, который люди использовали для трансформации окружающей среды (Fernandez-Armesto, 2002). Однако, как показывает история технологических инноваций, рост знаний был очень медленным на протяжении большей части истории (Spier, 2010). Различные общества не предпринимали систематических усилий, чтобы превзойти друг друга, инвестируя больше, чем соседи, в исследования и разработки, пока появление современной науки не продемонстрировало преимущества именно такой стратегии. После появления науки

человеческие знания стали расти экспоненциально, и контроль над реальностью достиг за считанные столетия таких уровней, что затмил все достижения предыдущих ста пятидесяти тысяч лет существования человечества. Это очевидно из резкого и неожиданного скачка кривой роста знаний, который начался примерно с 1500 г. (Nolan & Lenski, 1999; Oppenheimer, 2007; Morris, 2010).

Подобно увеличению и развитию мозга в биологической эволюции, рост знаний в культурной эволюции ускорился так неожиданно, что в обоих случаях произошел резкий скачок в скорости эволюции. Интересно, что оба эти ускорения — яркий пример полезности свобод.

Ускоренный рост интеллектуальных способностей в биологической эволюции привел к появлению мощного качества интеллекта — воображения, сделавшего возможной субъектность, которая обеспечивает свободу экспериментировать и целенаправленно познавать. Люди получили господствующее положение на планете именно благодаря своей интеллектуальной свободе (Birch & Cobb, 1981; Ehrlich, 2000; Rubin, 2002). В культурной эволюции ускоренный рост системы технологических знаний также привел к появлению мощного феномена — науки (Elias, 2004 [1984]). Исследование — это естественный для людей вид деятельности, который не был институализирован до тех пор, пока наука не стала независимой сферой жизни общества во времена ренессансного гуманизма (Braudel, 1993). Независимость науки охранялась гарантиями интеллектуальных свобод, за которыми последовали гарантии производных свобод в других сферах жизни, включая доступ к рынку и политическое участие (Goldstone, 2009). Либеральная демократия — продукт этих свобод. С того времени свободы стали характерным признаком обществ с наиболее развитыми технологическими знаниями (North, Wallis & Weingast, 2010; Acemoglu & Robinson, 2012). Попытки тоталитарных систем, таких как нацистская Германия или советская Россия, завоевать лидерство в сфере технологических знаний закончились провалом. Наиболее вероятная причина этих неудач — сама суть тоталитаризма: тоталитарные системы не в состоянии управлять внутренней мотивацией людей и поэтому не способны мобилизовать человеческий интеллект в полной мере (Popper, 1971 [1962]; Fukuyama, 1992). Учитывая вышесказанное, сомнительно, что Китай сможет стать мировым лидером в сфере технологий без гарантий свобод для своего народа.

В любом случае поразительное ускорение биологической и культурной эволюций — яркие примеры полезности свобод. В обоих случаях эволюция способствовала укреплению могущества в управлении свободами, т. к. оно повышает контроль над реальностью. Свободы воплощают эволюционную полезность.

3.2. Мозг как стремящееся к полезности устройство

Определяющая характеристика человеческого мозга — его способность воображать улучшенные реалии, то есть такие, в которых наше существование ограничено в меньшей степени. Наделив наш мозг этой способностью, эволюция создала устройство для осознанного стремления к целям, которые имеют для нас ценность. Это источник человеческого стремления к свободам (Birch & Cobb, 1981; Kaplan, Gurven & Lancaster, 2007; Turner & Maryanski, 2008).

Однако чтобы поиск свобод был полезным, он не должен быть статичным — напротив, он должен приспосабливаться к внешним ограничениям, которые невозможно контролировать в данный момент. Вот почему эволюция мозга избрала *адаптивное* стремление к свободам.

Чтобы стремление к свободам было адаптивным, необходимо поддерживать его контакт с реальностью. Для достижения этой цели нужна работа трех психологических механизмов. Первый механизм — *оценивание полезности*: люди достаточно точно распознают, какими из доступных их воображению свобод они смогут воспользоваться на практике. Этот механизм работает потому, что эволюция сформировала людей восприимчивыми существами, понимающими, что именно находится в пределах их возможностей. Если бы это было не так, наш вид уже давно потерпел бы неудачу. Однако способность распознавать полезные свободы была бы ненужной, если бы распознавание не запускало процесс оценивания данной свободы. Таким образом, понимание объективных полезностей ведет к их субъективной оценке, что создает связку полезность-ценность.

Второй механизм — *активация ценности* — подразумевает, что люди испытывают побуждение действовать ради того, что они ценят. Именно связка ценность-действие придает важность ценностям. По отношению к свободам связка ценность-действие подразумевает, что люди действуют ради свобод, которые они ценят. В эти действия входят публичные заявления о ценности свобод, когда в последних людям отказывают или ставят их под сомнение, и действия, направленные на осуществление ценных для индивида свобод, если эти свободы гарантированы.

Третий механизм — *удовлетворенность от действия* — это то, почему второй механизм работает: когда люди требуют и реализуют ценные для них свободы, это само по себе приносит им удовлетворение. Оно возникает потому, что требование и реализация свобод демонстрируют личности её субъектность. Ощущение субъектности повышает самоуважение — важнейший источник удовлетворенности для наделенных сознанием существ (Deci & Ryan, 2000; Wright, 2001; Welzel & Inglehart, 2010). Важно, что удовлетворенность оказывает обратное влияние на ценности: удовлетворенность заявленными и реализованными свободами подкрепляет значимость этих свобод. Благодаря такой петле обратной связи осмысление свобод действует как *самоподдерживающийся цикл*.

Последовательность описанных выше механизмов устанавливает связь между подкрепляющим удовлетворением от свобод и нашими способностями. Это не позволяет жизненным стратегиям людей отрываться от реальности. Результат — адаптивное стремление к свободам, приспосабливающееся к внешним ограничениям, которые мы в данный момент не можем контролировать. Адаптивность стремления к свободам объясняет, почему люди могут жить и тогда, когда они лишены свобод. В противном случае системы, основанные на угнетении, не смогли бы доминировать большую часть истории цивилизации. Если люди сталкиваются с ограничениями и не имеют средств что-то изменить, они видят мало пользы в свободах. Следовательно, они меньше ценят свободы, реже предпринимают какие-то действия ради них, и их удовлетворенность жизнью в меньшей степени связана с осуществлением свобод. Это приспособление позволяет людям функционировать при отсутствии свобод.

И все же устранение свобод снижает удовлетворенность, которую люди могут получить: для наделенных сознанием существ чувство внутренней удовлетворенности невозможно без обладания свободами. Следовательно, стремление обеспечить для себя свободы всегда будет усиливаться — в той степени, в которой люди способны обрести необходимые ресурсы, чтобы овладеть свободами.

Описанные механизмы действуют не в изолированных умах отдельных индивидов. Люди эволюционировали как коллективные существа (Bowles & Gintis, 2011), поэтому человеческий ум сформировался как социальный ум (Forgas, Williams & Wheeler, 2001; Wilson, 2006; Dunbar & Shultz, 2007a, 2007b; Flinn & Koe, 2007; Kaplan, Gurven & Lancaster, 2007). Одна из самых замечательных социальных способностей ума — эмпатия. Она приводит к расширению личного эго в «коллективное я», включающее других людей, признаваемых равными. Это то, что я называю *механизмом солидарности*. Этот механизм расширяет поиск индивидуально полезных возможностей до поиска возможностей, которые можно использовать *совместно* с другими людьми (Wilson, 2006). Насколько широким окажется круг совместно полезных возможностей, зависит от социального радиуса людей со сходными ресурсами. Когда ресурсы для действия настолько доступны для всех членов общества, что невозможно установить групповую монополию на свободы, большие сегменты общества начинают признавать полезность совместных свобод. В этом случае усилия людей направлены на *всеобщие* свободы.

Совместное признание полезности свобод мотивирует *коллективные* действия, нацеленные на отстаивание этих свобод. Если коллективные действия оказываются успешными, как в случае массовых протестов, свергающих диктатора, удовлетворенность оказывается еще выше: общий успех, достигнутый вместе с единомышленниками, приносит ощущение социальной солидарности и общее для всех чувство удовлетворения (Forgas, Williams & Wheeler, 2003).

Суммируя все вышесказанное, я полагаю, что мозг использует четыре механизма для осмысления свобод: оценивание, активацию, удовлетворенность и солидарность. Первые три механизма действуют последовательно: оценивание — активация — удовлетворенность, образуя самоподдерживающийся цикл обратной связи от удовлетворенности к оцениванию. Механизм солидарности взаимодействует со всеми упомянутыми выше механизмами, расширяя их до социальных масштабов. Солидарность с другими людьми преобразует поиск *уникальных индивидуальных* полезностей в поиск *совместных* полезностей. Благодаря этим последним появляются социальные объединения. Таким образом, поиск полезности становится групповым процессом.

В соответствии с этими утверждениями свободы развиваются в два последовательных этапа, как показано двумя горизонтальными стрелками на рисунке 1.1. На первом этапе свободы оцениваются субъективно в той мере, в какой возросла их объективная полезность. На втором этапе — *кодификации ценности* — свободы гарантируются институционально в той мере, в какой повысилась их субъективная ценность. Следовательно, если свободы растут и расширяются, то это происходит в последовательности «полезность — ценность — гарантии». Именно это подразумевает тезис последовательности.